

<http://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-326-338>

УДК 82-3

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. А. С. Акимова
г. Москва, Россия

**«СТАРАЛСЯ ТОТ ЖЕ АЛЕКСЕЙ...»:
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПЕРВОЙ КНИГИ
РОМАНА А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»
В ОЦЕНКЕ СОВЕТСКОЙ КРИТИКИ**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00303 «Советский исторический нарратив 1920-30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования». URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00303>

Аннотация: В статье впервые были собраны и систематизированы рецензии советских критиков на произведения А. Н. Толстого об эпохе Петра I: повесть «День Петра» и пьесу «На дыбе», непосредственно связанные с замыслом романа «Петр Первый». На материале откликов в периодической печати на пьесу, а также на спектакль, который был вскоре поставлен МХАТом 2, показано, что их восприятие определило тональность статей, посвященных первой книге романа «Петр Первый». В статье дается обзор всех шести рецензий, излагаются их основные положения и замечания. Главным недостатком, по мнению критиков, было отсутствие в романе марксистского понимания истории, что нашло отражение в отборе исторических источников и фактов, в изображении главного героя, Петра I. По-разному оценивая хроникальность композиции произведения, все отмечали красочный язык, живой юмор и жизненность диалогов.

В рецензиях 1931 г. были сформированы основные подходы к оценке романа, которые получают развитие в 1935 г. после выхода второй книги: концепция царя-одиночки, исторический параллелизм, т. е. решение проблем современности на материале петровской эпохи, отражение в романе роли «торгового капитала». Изучение рецепции первой книги романа А. Н. Толстого позволит определить его роль и значение в историко-культурном контексте, а также шире — рассмотреть основные подходы к оценке исторических романов и репрезентации образов исторических лиц в советской культуре.

Ключевые слова: Литературная критика, А. Н. Толстой, роман «Петр Первый», историческая концепция, образ Петра I.

Информация об авторе: Анна Сергеевна Акимова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0732-1854>

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Дата поступления статьи: 27.03.2023

Дата одобрения рецензентами: 18.04.2023

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Акимова А. С. «“Старался тот же Алексей...”»: историческая концепция первой книги романа А. Н. Толстого «Петр Первый» в оценке советской критики // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 326–338.

<http://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-326-338>

В критическом очерке, посвященном творчеству А. Н. Толстого, П. Н. Медведев отметил непопулярность писателя у критиков [10, т. 1, с. VI]. Его очерк открывал два собрания сочинений писателя 1930-х гг.: выпущенное «Государственным издательством» (М.; Л., 1927–1931) и московским издательством «Недра» (1929–1930). Медведев стал, по сути, одним из первых, кто попытался оценить замысел еще только анонсированного романа о Петре в контексте ранних произведений Толстого «День Петра», «Наваждение» и пьесы «На дыбе». Его очерк датирован январем–мартом 1929 г., а первые главы романа под общим заголовком «Отрывки из повести Алексея Толстого “Петр Первый”» были опубликованы в журнале «Красная нива» в начале апреля 1929 г. Медведев писал: «На первых порах революция заставила только Ал. Толстого серьезнее задуматься над исторической судьбой русского народа, и стимулировала интерес к его прошлому, продолжающийся, как показывает пьеса “На дыбе” и работа над романом о Петре I, до настоящего времени» [10, т. 1, с. XXXVIII]. Критика произведений на историческую тему содержала упрек в нехватке «историчности, учета социально-экономических факторов, обуславливающих историю», поэтому, — сожалел Медведев, — «исторические персонажи выглядят несколько театрально, условно, хотя написаны они порою с громадным мастерством. Пример — “День Петра”» [10, т. 1, с. XXXIX]. Это замечание относилось и к пьесе «На дыбе». Вопреки авторскому обозначению жанра — «трагедия» — Медведев назвал пьесу «историческими картинами»: «...хотя эти картины — порою блестящие — и переполнены трагическим содержанием <...> У него трагичен Петр, трагичен его дело, трагичен народ. Все — на дыбе» [10, т. 1, с. XLVII]. «Приходится только пожалеть, — писал он, — что автором недостаточно раскрыта дифференциация социальных сил того времени, мало отведено места сермяжной Руси и не до конца обрисована жуткая фигура Петра I. Будем надеяться, что Ал. Толстой это сделает в том историческом романе, над которым сейчас работает и первые главы которого дают основания для больших надежд» [10, т. 1, с. XLVII].

В опубликованной в 1930 г. статье «Как мы пишем» Толстой признавался: «Только в двух случаях я задолго готовился к работе: роман “Петр I” был задуман еще в конце 1916 года, и предварительно написаны: повесть “День Петра” и пьеса “На дыбе”» [11, т. 10, с. 134]. Вероятно, не только критический очерк Медведева, но и первые рецензии на пьесу 1929 г. «На дыбе» и на спектакль, поставленный в феврале 1929 г. Вторым Московским Художественным академическим театром, определили немногочисленные отклики на первую книгу романа.

Отрывки пьесы публиковались в периодических изданиях. А. М. Перовский, рассматривая вышедшие в начале 1929 г. первые номера журналов «Красная новь», «Октябрь», «Журнал для всех», остановил свое внимание на отрывках пьесы Толстого: «...В интереснейшей и сложнейшей эпохе расцвета российского торгового капитала, в эпохе революционной ломки общественных отношений и быта разглядел *только ужас*, тяжесть ломки и ее трагизм для консервативных групп. Работа Петра представлена в плоской шаржировке. В общем Алексей Толстой, как и следовало ожидать, сравнительно недалеко уходит от Мережковского» [27, с. 30].

Н. А. Равич, признавая пьесу Толстого «лучшей», отмечая красочный язык, обладающий «такой выразительностью и силой, что даже в чтении перед глазами разворачиваются сцены подлинного театрального действия», считал неверной установку автора: «Петр представлен гением-одиночкой, борющимся и с феодалами, составляющими основу противодействующих ему сил, и с своим собственным окружением — разночинцами, представителями зарождающейся торговой буржуазии и т. д.». «Индивидуально Петр представлен революционером. Он — безбожник из безбожников, циник, разрушитель сословных предрассудков, его целеустремленность наполнена материалистическим пониманием окружающей обстановки. Но он не связан ни с какими социальными процессами, он личность, творящая историю» [26, с. 76; см. также: 29, с. 13–14].

В разгромных рецензиях спектакль МХАТ 2 «Петр I»¹ по пьесе Толстого «На дыбе» признавался неудачным, свидетельствующим о кризисе несоответствия в искусстве. В. З. Швейцер, писал об ошибочной исторической концепции пьесы и, как следствие, спектакля:

...за пышной его исторической бутафорией, под гримом исторического лицедейства — самая острая, «злободневная» тема. Тема о диктатуре, о личности и государстве. Пьеса Алексея Толстого разрешает эту тему сменовеховски <...> сменовеховские настроения ищут «историческое оправдание» гигантского размаха новой стройки — не в будущем, а в прошлом, не в социализме, а историзме.

Так возникает соблазн параллели между петровской эпохой и нашей, соблазн одновременно политический и литературный. Нищая, темная петровская Русь — и первые огни литейных заводов. Окно в Европу, распахнутое грубой рукой... Новый город, возникший внезапно среди невских болот; фальконетовский конь, попирающий змею, — образ железного преобразования. В этой архаической романтике ищет автор «Петра I» историческое предвкушение нашей эпохи [33, с. 15].

В заключении своего обзора критик, по сути, повторил мнение Медведева и Равича о нехватке социальной детерминированности действий Петра и высказанное впервые Равичем суждение о царе-одиночке: «Нужно ли говорить, до какой степени сусально-условна и исторически-пустопорожня такая параллель? В пьесе Толстого идея диктатуры кончается крахом. Вода, “стихия”, темная стихия затопляет Санкт-Петербург, разрушает петровские корабли. Петр остается один, — театральный проектор освещает его жалостно...» [29, с. 15].

Тему одиночества Петра развивал в своей рецензии на спектакль и Н. Д. Волков. Он писал: «Темой пьесы А. Толстого “Петр I” является одиночество Петра. В десяти эпизодах, показанных на сцене МХТ II, разворачивается картина “несносной тяготы усилий”. Петр один...». Важно отметить, что концепция царя-одиночки станет одной из самых востребованных критиками в обсуждениях романа (первой и второй книг «Петра Первого») в 1935 г. В пьесе характер Петра «оказался ненаписанным», «разнообразные ситуации в сумме своей не дают общего образа», «вместо лица — личина», — пришел к заключению Волков. Вслед за Равичем, он отметил великолепный язык, юмор, и жизненность, — т. е. «красивый фон», на котором, «к сожалению, еще более бледнеет центральный образ “героя”» [18, с. 4].

В статье под красноречивым заголовком «Реставрация мерещковщины» Л. Н. Чернявский писал о «реакционнейшем мистицизме» Мерещковского в трактовке образа Петра Толстым. Одно из замечаний в адрес В.В. Готовцева, исполнителя роли

¹ Режиссер спектакля Б. М. Сушкевич, декорации И. И. Нивинского, в роли Петра — В. В. Готовцев, Алексей — И. Н. Барсенев, Екатерина — Н. Н. Бромлей.

Петра, было связано с физиологическим изображением эпилептических припадков царя: «Проявления болезни Петра воспроизводятся в пьесе с точностью демонстрационного сеанса в медицинском обществе: паралитические судороги, закатывающиеся белки, хрипение, слюнотечение, всхлипывание — чего только не наворочено в поте лица артистом Готовцевым...» [32, с. 6]. О натуралистическом изображении припадков Петра в пьесе и на сцене Готовцевым говорилось и в рецензии, опубликованной в журнале «Печать и революция»:

Пьеса разбита на ряд эпизодов, которые связывает фигура Петра. И в каждом эпизоде от него отпадают куски живого мяса: изменяет Алексей Петрович, изменяет поднятая им до престола Екатерина, изменяют министры, бегут из финского болота насильно согнанные рабочие, гибнет во взбушевавшемся заливе флот. И Петр перед лицом наводнения, затопляющего и сносящего Санкт-Петербург, перед лицом слепой, темной силы, рушащей все труды его жизни, усталый зябнувший гренадер — Петр безнадежно вопрошает: «Для кого сие? Для кого?» — и эпилептически дергает плечами.

Это сочетание — гиганта и эпилептически дергающегося зябнувшего человека весьма характерно для трактовки Петра и автором и актером — Готовцевым <...> Петр — эпилептик, Петр — сифилитик, Петр — шут, наконец, выведен с предельной, иногда до патологии доходящей полнотой [15, с. 86–87].

Вероятно, писатель мог учесть эти замечания критиков спектакля при работе над романом. Первая книга «Петра Первого» публиковалась в журнале «Новый мир» с 1929 по 1930 г. (Авторская дата окончания работы 12 мая 1930 г.). Вскоре Толстой приступил к подготовке текста для отдельного издания, которое вышло в ноябре 1930 г. в ленинградском издательстве «Прибой», и внес правку в описания эпилептических припадков Петра (подробнее см.: [2]).

Один из первых отзывов принадлежал критику, редактору «Нового мира» В. П. Полонскому, который в ответ на получение рукописи писал Толстому 15 июля 1929 г.: «Рукопись получил, деньги Вам послал. Читал с большим удовольствием. Хорошо!» [8, с. 335].

Первый отзыв на роман «Петр Первый» в периодике принадлежал М. Горькому. В статье «О литературе» в качестве одного из примеров современного «подлинного и высокохудожественного исторического романа» он привел «превосходный, точно на меди вырезанный роман А. Н. Толстого “Петр I”» [20, с. 3]. Впоследствии, поздравляя Толстого с 25-летием творческой деятельности, и уже в связи с публикацией отрывков второй книги романа, он писал: «“Петр” — первый в нашей литературе настоящий исторический роман, книга — надолго. Недавно прочитал отрывок из 2-й части, — хорошо! Вы можете делать великолепные вещи. Ваш недостаток — торопливость» [7, т. 2, с. 154]. Мнение Горького разделяли не все современники, что следует из письма публициста и издателя Д. А. Лутохина: «Не по силе дерево гнет достопочтенный — бывший граф, беря такие сюжеты. Живописал бы “вредителей”!..» (АГ ИМЛИ РАН. КГ-п-46а-1-157. Л. 1об.). В письме Горькому от 20 марта 1931 г. он называл роман «фальшивым, ремесленным произведением» (АГ ИМЛИ РАН. КГ-п-46а-1-157. Л. 1об.). В периодической печати оценка первой книги романа была также критической, но более осторожной.

В 1931 г. были опубликованы шесть рецензий на первую книгу романа «Петр Первый» (две из них принадлежали одному автору, советскому критику К. Л. Зелинскому).

Б. С. Вальбе, автор первой появившейся в печати рецензии на роман, назвал первую книгу поворотным произведением в творчестве Толстого [16, с. 3]. Подводя итог оценке воззрений на образ Петра в русской культуре, о повести Толстого «День Петра» критик написал следующее: «Ничего не дал России Петр, кроме крови и жестокости, ничего, следовательно, нового не даст и революция — таков общий вывод “Дня Петра”. Этой оценке “петровых дел” соответствовала и резкая характеристика его личности, как дикого и грязного монстра. Тем знаменательнее то новое “видение Петра”, которое обнаруживает Алексей Толстой в своем новом романе» [16, с. 3].

Поддавшись «соблазну», о котором писал Швейцер в рецензии на спектакль (см. выше), Вальбе провел «параллель между петровской эпохой и нашей» [33, с. 15]: «Этот путь — от живописаний умирающих помещичьих гнезд до эпопей о войне и революции (“Хождение по мукам”) и исторических романов — весьма поучителен некоторыми своими вехами. Октябрьская революция обострила в Ал. Толстом творческий интерес к истории. Еще до того, как он “сменил вехи”, он пишет “Смерть Дантона” и “День Петра”. Всем, писавшим об этих исторических “опытах” Толстого, было ясно, что под “псевдонимом” французской революции и петровской эпохи выведена Октябрьская революция» [16, с. 3].

Вальбе выделил два направления анализа романа «Петр Первый», которые будут развиваться в критических отзывах на первую и вторую книги: во-первых, с точки зрения исторической достоверности лиц и событий, изображенных Толстым; и, во-вторых, в ключе исторической концепции писателя. Документальность романа критика не интересовала. Отметив хроникальную последовательность воспроизведения фактов и героев, выделив «художественное мастерство, прекрасный язык, живой юмор и грациозные диалоги», подробнее он остановился на характеристике изменившейся концепции Толстого — или в авторской формулировке — «творческом оправдании ломки “византийской Руси”, его радостном восприятии “мартовских ветров” прибалтийских побережий». С этой целью он процитировал финал первой книги («Всю зиму были пытки и казни <...> В мартовском ветре чудились за балтийскими побережьями призраки торговых кораблей»), в котором видел концепцию романа: «Толстой теперь уже понимает, что дело не в “навождении”, не в “кровавом баловстве”, а в смене эпох, в потребности новых социально-экономических формаций, характеризующих каждую революцию и переворот Петра, в частности». По мнению Вальбе, в концепции романа, в отличие от «Дня Петра», «чудится нам “новый” Алексей Толстой, столь непохожий на автора “Дня Петра”, и постигающий теперь, сквозь историческую призму, великое творческое значение нашей революционной эпохи <...>. Мимо Толстого, очевидно, не прошла бесследно та новая интерпретация петровской эпохи, как эпохи торгового капитализма, которая принадлежит русским марксистам и столь блестяще развита М. Н. Покровским. Толстой, правда, не сумел этот “торговый капитализм” сделать центром романа. Но все же Петр у него не “божественный посланец”. Его гений не преувеличен в ущерб основным “движущим силам” эпохи. Иной раз советники и соратники Петра даже превосходят его исторической зоркостью» [16, с. 3].

Отметим, что свою рецензию Вальбе начал с цитаты из К. Маркса: «Историю часто призываем для разрешения распрей современности» [16, с. 3]. С марксистских позиций подходил к оценке петровских преобразований и, как следствие, романа Толстого, Г. Е. Горбачев. О «марксизме» Толстого в романе он писал: «На первый взгляд в этом отношении “все обстоит благополучно”. Как говорится, “и прицепиться не к чему”. Показаны разные социальные группы России конца XVII века. Роман

о царе начат вопреки всем традициям с описания мужицкой избы и провинциальной дворянской усадьбы. Изображена нужда и недовольство крестьян, разорение мелких и средних помещиков, разбойничьи похождения деклассированных представителей этих общественных групп» [19, с. 121]. Выделив ряд убедительных образов (Бровкина, купца Жигулина) и сцен (например, столкновение братьев Ржовых с Цыганом), Горбачев заключил, что в романе «даже для марксистского “фона” истории Петра» нет главного: «В картине, нарисованной Толстым, все, в сущности, статично, ибо нет борьбы тенденций. А их было две: одна тенденция капитализации России сверху, со стороны царя — крупнейшего капиталиста и феодала — и его феодально-капиталистического окружения с опорой на крупное купечество и дворянство, с полным попранием интересов мужицки-мелкоторговой массы, путем приказов и монополий. Другая тенденция — к развитию капитализма, путем антидворянской и антибоярской революции: разинского освобождения земли от феодальных пут, бунта казачьей вольницы против старшины, раскольничьего бегства от помещичьего государства и бунта против подчинившейся окончательно государству церкви» [19, с. 122]. Толстой, по мнению Горбачева, должен был больше написать о раскольниках и их союзе со стрельцами, в котором критик видел «призрак крестьянской социальной революции» [19, с. 122], упомянуть, что в бунте против Нарышкиных «начиналась и была предана крестьянско-холопская революция» [19, с. 122]; а также о казачьем движении на Украине, больше внимания уделить заговору Цыклера.

Главным недостатком в изображении Петра, по мнению критика, стало то, что «та социальная группа, которую представлял Петр, дана у Алексея Толстого, как фон, а не как движущая сила политики главного героя романа и фабулы последнего. Петр, как вождь и одновременно слуга определенной социальной силы, в романе не показан» [19, с. 122]. Его поступки основаны на личном интересе или обусловлены влиянием Немецкой слободы: «Усиленное подчеркивание сознательно-руководящего влияния “немцев” на Петра заставляет иногда воспринимать толстовского Петра как “агента иностранного капитала”, что очень далеко от марксистского взгляда на историю России. Мотивировка же увлечения Петра “Немецкою слободой”, как копией заграницы, выдержана в тонах, делающих достаточно феодального и хищнически-капиталистического Петра поклонником тихого клейнбургерского уюта...» [19, с. 123]. Сложно сказать, помнил ли Толстой об этой рецензии в 1944 г., когда готовил роман к публикации и вносил правку в изображение проживавших в Немецкой слободе немцев (т. е. иностранцев) (подробнее см.: [1]).

В большой статье К.Л. Зелинского «Петр и... Алексей» были подведены итоги обсуждения первой книги романа Толстого, а также предложены новые подходы к его оценке [24; см. также: 3]. Критик, признавая, вслед за Вальбе, что роман — «это скорее историческая хроника, литературная фильма, которую можно назвать “Люди и нравы XVII века”», отмечал, что сила его «в языковом ритме, в соответствии его внутренним жестам героев, в обильных реалистических красках» [24, с. 2]. Опираясь на исторические источники и, главным образом, «буржуазную науку», т. е. на Ключевского, Толстой «щедро, энергической “репинской” кистью» изображает старую Русь [24, с. 2]. По мнению критика, роман интересен не только талантливым воспроизведением быта, исторического фона, но и попыткой разрешить «психологическую загадку Петра» и показать исторический смысл его преобразований. В романе показано зарождение характера Петра, человека, «дерзнувшего вырвать, вырезать с кровью у феодально-

земледельческой полудикарской страны ее “культурное”, буржуазно-капиталистическое будущее» [24, с. 2]. Зелинский отмечал, что Толстой показал контраст двух миров, на котором воспитывался Петр, Руси ветхозаветной, боярской и торговой Европы, веселого Кукуя: «В разности температур двух миров — вот в чем ищет Толстой психологическое объяснение лихорадочным чертам в характере Петра, его играющим желвакам на скулах, его затаенному бешенству и беспредельному устранению не только интересов, но и отдельных человеческих жизней с дороги его замыслов. И Толстой делает все, чтобы подчеркнуть разрыв между этими двумя мирами» [24, с. 2]. В результате «у Толстого Петр оказывается большим “западником”, чем даже был на самом деле» [24, с. 2] и показан в романе таким, как он виделся скорее его сыну, Алексею, «полоненным целиком иноземщиной, неслыханно жестоким» [24, с. 2]. В изображении Петра, заключает Зелинский, Толстой отступает и от пушкинской традиции («Он весь, как божия гроза»), и от историков-марксистов [24, с. 2]. Избегая прямых сопоставлений эпохи Петра с современностью, Толстой, в оценке критика, усугубляет контрасты между Востоком и Западом, показывает жестокость Петра и оправдывает ее во имя будущего парадиза: «...это есть философская форма нового своеобразного “осовременивания” Петра через историческую концепцию Запада и Востока, ищущих во встречном кипении нового уровня человеческой культуры» [24, с. 2]. Среди параллелей между петровской эпохой и современностью Зелинский выделил не только самые очевидные переключки (на Лубянке — страшный начальник разбойного приказа; строительство Волго-Донского канала; выписанные из-за границы техники), но и глубокие связи: «Дело, по Толстому, в симметрии нашего времени, где звучит лозунг — догнать и перегнать» [24, с. 2].

Именно Зелинский, размышляя о современности, злободневности образа Петра в связи с «“наследственной” ситуацией» вековой отсталости России, впервые цитирует И. В. Сталина. Он привел слова из его речи на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, которая проходила с 30 января по 4 февраля 1931 г. в Москве: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость» [28, с. 3]. Большое значение в оценке второй книги романа будет отводиться публикации беседы Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. и следующая цитата из нее: «Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев» [13, с. 33].

Зелинскому принадлежала рецензия на отдельное издание первой книги романа, выпущенное ленинградским издательством «Прибой» в 1930 г. В ней критик, отталкиваясь от предложенной им ранее концепции, отмечал, что роман — «наиболее субъективистское, “идеологическое” из написанного А. Толстым» [25, с. 182]. Его главная историческая идея, на которой строится и характер Петра, — антитеза Запада и Востока: «Поставив его на грани двух миров, Толстой наделил его положительной идеей романа, “социальным заказом” буржуазии — привести в порядок Россию. Отсюда и “приятие” Петра “несмотря ни на что”. Да, Петр жесток. Он дикарь. Но он делает нужное дело. Это каленое железо, которым Россия сама лечит свои раны <...> Петр — переустройство России — тема не только долго выношенная Толстым, но и кровная тема его класса. Отсюда и особый тон романа. Он написан с большим подъемом и темпераментом, как пишут о кровных, близких вещах. История, вложенная в роман, в сущ-

ности есть “история” сегодняшних дней, сублимировавшаяся в образах, расположившихся на достаточно почтительном расстоянии от сегодняшнего дня» [25, с. 183].

Впоследствии для московского издательства «Федерация» Зелинский написал две внутренние рецензии на вторую книгу «Петра Первого», в которых остановился на сравнении концепций первой и второй книг: «“Петр Первый” давно стал любимейшей книгой во многих читальнях и библиотеках. Это один из лучших наших исторических романов. Вторая книга (автор представил пока первые главы) написана превосходно. В идеологическом отношении она ближе к марксистскому пониманию петровской эпохи. В частности, смягчено противопоставление востока и запада. Убраны параллели с сегодняшним днем, которые были в первой книге. Конечно, я за издание книги» (РГАЛИ. Ф. 625. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 3).

Н. М. Иезуитов в рецензии на роман также отмечал, что ничего общего с рассказом «День Петра» новый роман Толстого не имел. Писатель учел критику академика С. Ф. Платонова [9], связанную с изображением эпилептических припадков Петра в рассказе: «Но все болезненные проявления характера Петра даны в меру приличия, сглажены, пообтесаны <...> Впрочем, внешняя прагматическая канва жизни Петра, проработка А. Толстым его физического облика, его манер, привычек — не столь важные факты... Гораздо существеннее то, что писатель в угоду буржуазной истории переработал все “преобразовательные деяния” Петра, его реформы и нововведения. Объяснение русского исторического процесса XVII века и первой половины XVIII века на основании марксистской методологии истории, — оказалось Алексею Толстому не под силу, не по плечу, а возможно, против желания» [22, с. 20]. Основой исторической концепции романа Толстого, по мнению Иезуитова, стала меньшевистская теория борьбы Запада и Востока и европеизации России Петром против воли народа, разработанная Г. В. Плехановым: «И вот такую же буржуазно-меньшевистскую теорию положил Алексей Толстой в основу романа “Петр Первый”. Он догматически противопоставил старую Русь — Руси новой» [22, с. 22]. По заявлению критика, Толстой свел петровские преобразования к европеизации России, не учитывая при этом сложившиеся в советской исторической науке подходы. В частности, он ссылаясь на переиздание работы 1907 года Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в древней Руси» [6], который отмечал, что «в культурной области реформа Петра не имела значения коренного перелома, потому что она сосредоточилась на заимствовании теоретических знаний...» [6, с. 179]. Другой необходимый, по Иезуитову, источник — «История русского народного хозяйства» профессора П. И. Лященко [5]: «Так называемые “петровские реформы” были подготовлены всем предыдущим ходом классовой борьбы внутри московского государства, были обусловлены развитием торгового капитала» [22, с. 22]. По мысли критика, «... характеристика связи “петровских преобразований” с интересами представителей торгового капитала должна была бы быть едва ли не основным историческим тезисом произведения» [22, с. 23]. В этом «упущении» Толстого критик видел главный недостаток романа.

Сюжетное построение и трактовка образа Петра, по мнению Иезуитова, основывались на «идеалистических» трудах В. О. Ключевского. Статья сопровождалась рисунками Кукрыниксов и стихами А. Г. Архангельского (подпись: Аларикус): «В дни оны Алексей Толстой / Нарисовал весьма сурово / Пречерной краскою густой / Изображение Петрово / Прошли годы. Во всей красе / Показан вновь властитель Невский / Старался тот же Алексей / Но красками снабжал Ключевский» [22, с. 23].

Рисунок 1 — На литературном посту. Апрель 1931. № 10. С. 23.
 Figure 1 — On a Literary Duty. 1931. April. No 10. P. 23.

В 1932 г. вышла статья И. Л. Гринберга. Критик писал о Петре как о обреченном на одиночество «человеке-герое, о создании которого мечтает А. Н. Толстой» [21, с. 185]; рассматривал его в одном ряду с другими «людьми-героями» из произведений писателя (инженером Гариным, Азефом, Дантоном), а также героями Ф. Ницше, Р. Киплинга, Н.С. Гумилева, С. Пшибышевского: «Все явственнее проступают у него новые черты — сильная воля, колоссальный эгоцентризм, мужество и, особенно, умение повелевать другими, “низшими” — то ли по духу, то ли по расе, то ли по классу. Это образ героя империализма, эпохи, когда буржуазии, власть которой все более расширяется, приходится для своего спасения <...> прибегать к открытому насилию <...> Однако, сильная личность, поведение которой определяется ее внутренним импульсом, не считающаяся с законами исторического развития, идущая против неизбежно развивающихся тенденций, борющаяся с ними, неизбежно гибнет, — гибнет, не понимая исторической закономерности. Отсюда пессимизм, отсюда ощущение одиночества, ощущение непрочности, а иногда и обреченности дела своей жизни» [21, с. 185].

Публикация отрывков второй книги началась в декабре 1932 г. В газете «Вечерняя Москва» был опубликован фрагмент первой главы под заглавием «Зимой, после стрелецких казней» [17]. Полностью текст второй книги публиковался в журнале «Новый мир» с 1933 по 1934 гг. (Авторская дата завершения работы над второй книгой 22 апреля 1934 г.). Сам Толстой в ряде интервью и выступлений начала 1933 г. «подготавливал» критические отклики на вторую книгу романа (см., например, [30, 31]. Так, например, 10 марта 1933 г. состоялось его выступление в Коммунистической акаде-

мии в Ленинграде на вечере, посвященном 50-летию со дня смерти К. Маркса, где он говорил о романе: «Работа над “Петром” прежде всего — вхождение в историю через современность, воспринимаемую марксистски. Прежде всего — переработка своего художнического мироощущения» [11, т. 10, с. 203]. К марксистскому пониманию истории Толстой, вероятно, пришел под воздействием критических откликов современников и упреков в неверной исторической концепции первой книги романа. В интервью и высказываниях, посвященных работе над второй книгой романа, он пытался предусмотреть возможные оценки и повлиять на них.

В отличие от советской литературной критики, русская эмиграция была благосклоннее к автору «Петра Первого». Выражая свое восхищение, А. П. Ладинский, писал: «Каким-то чутьем, каким-то Божьим даром, какой-то исторической дальноркостью наделила его судьба» [23, с. 247]. Ему же принадлежит восторженный отзыв на вторую книгу. В дневнике 17 августа 1934 г. он записал: «Прочел 2 часть “Петра I” А. Толстого. Талантище! Блестящий человек! От богословия нас вши заели... Кончается закладкой Питербурха. Битва под Нарвой. Посольство в Константинополь. Роман с Монс. Прекрасно» [4, с. 110]. По признанию М. А. Алданова, автор «Петра Первого» — «один из самых талантливых русских писателей нашего времени» [12, с. 493–494].

Список литературы

Исследования

- 1 *Акимов А. С.* Исправленный «Петр Первый»: К истории текста романа А. Н. Толстого // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 3–4. С. 262–277. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-262-277
- 2 *Акимов А. С.* Текстологический аспект формирования образа Петра I в романе А. Н. Толстого // *Образ Петра Великого в мировой культуре. Материалы XII Международного петровского конгресса*. СПб.: Европейский дом, 2020. С. 153–160.
- 3 *Зелинский К. Л.* Критические письма. М.: Советская литература, 1934. Кн. 2. С. 200–208.
- 4 *Ладинский А. П.* Дневник 1932–1939 годов. Моя жизнь в Германии. Парижские воспоминания. М.: ИМЛИ РАН; Изд. ДМИТРИЙ СЕЧИН, 2021. 480 с.
- 5 *Лященко П. И.* История русского народного хозяйства. М.; Л.: Государственное изд., 1930. 566 с.
- 6 *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. М.; Пг.: Государственное изд., 1923. 186 с.
- 7 Переписка А. Н. Толстого: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. 432 с.
- 8 *Погорельская Е. И.* А. Н. Толстой и «Новый мир» (из неопубликованной переписки писателя с В. П. Полонским) // *Алексей Толстой: Диалоги со временем*. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 328–343.
- 9 *Платонов С. Ф.* Петр Великий. Личность и деятельность. Л.: Время, 1926. 116 с.
- 10 *Толстой А. Н.* Собр. соч.: в 15 т. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. Т. 1. 408 с.
- 11 *Толстой А. Н.* Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 10. 711 с.

Источники

- 12 *Алданов М. А.* Алексей Толстой. Петр Первый // *Современные записки*. 1930. № 43. С. 493–494.
- 13 *Большевик*. 30 апреля 1932. № 8. С. 33–42.
- 14 *Б.н.* // *Литературная газета*. 29 августа 1933. С. 4.

- 15 [Б.п.] «Петр I», усыновленный А. Н. Толстым и МХАТом 2 // Печать и революция. 1930. № 3. С. 86–87.
- 16 Вальбе Б. С. «Петр Первый» // Красная газета (Веч. вып.). 20 января 1931. С. 3.
- 17 Вечерняя Москва. 15 декабря 1932. С. 2–3.
- 18 Волков Н. Петр I // Известия. 9 марта 1930. С. 4.
- 19 Горбачев Г. Е. Между объективизмом и идеализмом (О «Петре Первом» А. Н. Толстого) // Ленинград. 1931. № 2. С. 120–124.
- 20 Горький М. О литературе // Наши достижения. 1930. № 12. С. 1–7.
- 21 Гринберг И. Л. Заметки о творчестве А. Н. Толстого (от «Петра Первого» до «Путешествия в другой мир») // Звезда. 1932. № 7. С. 181–190.
- 22 Иезуитов Н. М. Петр — «европеизатор Руси». Заметки об исторической концепции романа А. Толстого «Петр Первый» // На литературном посту. Апрель 1931. № 10. С. 19–23.
- 23 Ладинский А. П. Рец. на: А. Толстой. Петр I. Роман. Из-во Петрополис. Берлин 1930 // Числа. 1930. № 2–3. С. 247.
- 24 Зелинский К. Л. Петр и... Алексей // Литературная газета. 14 марта 1931. С. 2–3.
- 25 Зелинский К. Л. [Рец. на изд.: Алексей Толстой. Петр Первый. Роман. Изд. «Прибой». Стр. 387. 1930 г.] // Красная новь. Август 1931. № 8. С. 182–183.
- 26 Н. Р.-Ч. [Равич Н. А.] Сцены из пьесы «О Петре» // Искусство. 1929. № 3–4. С. 76.
- 27 Перовский А. Заметки о журналах // Книга и революция. 1929. № 5. С. 30–31.
- 28 Правда. 5 февраля 1931. С. 3.
- 29 Равич Н. О Петре. Пьеса в 11 картинах Алексея Н. Толстого (Рукопись, 129 стр. машинописи // Репертуарный бюллетень. 1929. № 8. С. 13–14.
- 30 Толстой А. Н. «Октябрьская революция дала мне все». 25-летие литературной деятельности А. Н. Толстого // Литературная газета. 1933. 11 января. С. 1.
- 31 Толстой А. Н. Марксизм обогатил искусство // Красная газета. Веч. вып. 11 марта 1933. С. 3.
- 32 Чернявский Л. Реставрация мережковщины // Правда. 11 марта 1930. С. 6.
- 33 Швейцер В. Московские вечера // Стройка. 1930. № 2. С. 15–16.

© 2023. Anna S. Akimova
Moscow, Russia

**“THE SAME ALEXEY TRIED...”:
HISTORICAL CONCEPT OF THE FIRST BOOK
OF THE NOVEL *PETER THE GREAT* BY A.N. TOLSTOY
IN THE ASSESSMENT OF SOVIET CRITICISM**

Acknowledgements: This study was supported with a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-18-00303). Available at: <https://rscf.ru/project/23-18-00303/>.

Abstract: The research bases on reviews of Soviet critics collected and systematized for the first time on the works of A.N. Tolstoy dedicated to the Peter’s I epoch such as the story *Peter’s Day* (1918) and the play *On the Rack* (1929). These works directly related to the idea of the novel *Peter the Great*. As shown in the periodical press reviews of

the play, as well as of the performance, soon to be staged by the Moscow Art Theater 2 (1929), their perception determined the tone of the papers dedicated to the first book of the novel *Peter the Great* (1930). The study provides an overview of all six reviews written by Boris Valbe, Gerge Gorbachev, Cornelli Zelinsky, Nikolai Jesuitov et al., and outlines their main provisions and comments. The main drawback, according to critics, was the lack of a Marxist understanding of history in the novel reflected in the selection of historical sources and facts and in the image of the main character, Peter I. Assessing the chronicle order of the composition of the work differently everyone noted the colorful language, cheery humor and dialogues.

The reviews of 1931 shaped the main approaches to the evaluation of the novel which will be developed in 1935 after the release of the second book through the concept of a lonely ruler, historical parallelism, i. e. solving the issues of modernity based on the Peter's epoch, reflection in the novel of the role of "trading capital". The study of the reception of the first book by A.N. Tolstoy will allow us to determine its role and significance in the historical and cultural context as well as — more broadly — considering the main approaches to the evaluation of the historical novels and the representation of images of historical figures in Soviet culture.

Keywords: Literary Criticism, Aleksey N. Tolstoy, the Novel *Peter the Great*, Historical Concept the Image of Peter I.

Information about the author: Anna S. Akimova — PhD in Philology, Senior Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0732-1854>

E-mail: a.s.kimova@mail.ru.

Received: March 27, 2023

Approved after reviewing: April 18, 2023

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Akimova, A. S. "The same Alexey Tried...": Historical Concept of the First Book of the Novel *Peter the Great* by A. N. Tolstoy in the Assessment of Soviet Criticism." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 326–338. (In Russ.)

<http://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-326-338>

References

- 1 Akimova, A. S. "Ispravlennyi 'Petr Pervyi': K istorii teksta romana A. N. Tolstogo" ["Peter the First' Corrected: To the History of the Text of the Novel by A. N. Tolstoy"]. *Studia Litterarum*, vol. 1, no. 3–4, 2016, pp. 262–277. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-262-277 (In Russ.)
- 2 Akimova, A. S. "Tekstologicheskii aspekt formirovaniia obraza Petra I v romane A. N. Tolstogo" ["Textual Aspect of the Formation of the Image of Peter I in the Novel by A. N. Tolstoy"]. *Obraz Petra Velikogo v mirovoi kul'ture. Materialy XII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa [The Image of Peter the Great in World culture. Proceedings of the 12 International Petrovsky Congress]*. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2020, pp. 153–160. (In Russ.)
- 3 Zelinskii, K. L. *Kriticheskie pis'ma [Critical letters]*, vol. 2. Moscow, Sovetskaia literature Publ., 1934, pp. 200–208. (In Russ.)
- 4 Ladinskii, A. P. *Dnevnik 1932–1939 godov. Moia zhizn' v Germanii. Parizhskie vospominaniia [Diary of 1932–1939. My Life in Germany. Parisian Memories]*. Moscow, IWL RAS Publ.; Dmitrii Sechin Publ., 2021. 480 p. (In Russ.)

- 5 Liashchenko, P. I. *Istoriia russkogo narodnogo khoziaistva [History of the Russian National Economy]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930. 566 p. (In Russ.)
- 6 Pavlov-Sil'vanskii, N. P. *Feodalizm v drevnei Rusi [Feudalism in Ancient Rus']*. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923. 186 p. (In Russ.)
- 7 *Perepiska, A. N. Tolstogo: v 2 t. [Correspondence of A. N. Tolstoy: in 2 Vols.]*, vol. II. Moscow, Khudozh. Literature Publ., 1989. 432 p. (In Russ.)
- 8 Pogorel'skaia, E. I. "A. N. Tolstoi i 'Novyi mir' (iz neopublikovannoi perepiski pisatel'ia s V. P. Polonskim)" ["A. N. Tolstoy and the 'New World' (from the Unpublished Correspondence of the Writer with V.P. Polonsky)"]. *Aleksei Tolstoi: Dialogi so vremenem [Alexey Tolstoy: Dialogues with Time]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 328–343. (In Russ.)
- 9 Platonov, S. F. *Petr Velikii. Lichnost' i deiatel'nost' [Peter the Great. Personality and Activity]*. Leningrad, Vremia Publ., 1926. 116 p. (In Russ.)
- 10 Tolstoi, A. N. *Sobranie sochinenii: v 15 t. [Collected Works: in 15 vols.]*, vol. I. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Publ., 1929. 432 p. (In Russ.)
- 11 Tolstoi, A. N. *Sobranie sochinenii: v 10 t. [Collected Works: in 10 Vols.]*, vol. 10. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1961. 711 p. (In Russ.)